

Ключевые слова: геортоним, семантико-синтаксическая функция, предикат, семантические группы субъектов.

Bocharova I. V. Religious holidays' appellations as subjectival temporal syntactic unit.

The article is dedicated to heortonyms as a syntactic subject of the sentence. The conditions of the realization of their eventive temporal semantic are described.

Keywords: heortonym, semantico-syntactic function, predicate, semantic group of subjects

Варнаева А. Е.

Смоленский государственный университет

ТРИ СУЩЕСТВЕННЫХ ФУНКЦИИ СОЧИНИТЕЛЬНОГО СОЮЗА

Равноправие в сочинительной конструкции – это принципиально открытые ряды и отношение элементов множества к множеству. Сочинительные союзы сыграли большую роль в становлении сочинения. При этом каждый из них одновременно выполнял (и выполняет) три существенные функции: соединительную, разделительную и дифференцирующую.

Ключевые слова: сочинение, равноправие, множество, элемент множества, сочинительный союз, соединительная, разделительная и дифференцирующая функции.

Длительное время в лингвистике активно исследовалась подчинительная связь, в то время как ее антипод, сочинение, оставалось в тени. Положение стало нормализоваться с 1975 года, когда появилось первая специальная крупная работа по сочинению – докторская диссертация Н. Н. Холодова. За ней последовали основополагающие работы В. Н. Перетрухина, Ю. А. Левицкого, В. З. Санникова, Е. Ф. Троицкого, К. Я. Сигала и В. Н. Завьялова.

На основе названных работ оказалось возможным подступить к выяснению сущности сочинения, а также устранить некоторые важные противоречия и неясности, в частности, в учении о сочинительных союзах – главном средстве выражения сочинения. Это, в свою очередь, открывает новые перспективы в раскрытии сочинительной связи.

До сих пор нет списка сочинительных союзов. Причиной является не столько динамика языка, сколько порочный круг в определении сочинения и сочинительных союзов друг через друга; нет описания сочинения как системы; нет единства во взгляде на значения многих сочинительных союзов, в том числе на значение самого употребительного союз *и*; нет общепринятой классификации сочинительных союзов, которая бы включала в себя недавно открытые союзы, например градационные и т. д.

Одно из противоречий в учении о сочинительных союзах проявилось в классификации сочинительных союзов на соединительные, разделительные и противительные. Опираясь на работы названных выше авторов, мы можем применить математическое понятие множества. На этом основании в общей

проблемі о функціях сочинительних союзів виділяються такі часті: формальна функція зв'язи; логічна функція формування множини; семантична функція диференціації. В пропонуваній статті головне увагу звертається на становлення в мові логічної функції формування множини і ролі союзів в цьому. Для цього опинилися цінними спостереження Луїри, Панфілова, Грінберга і інших учених, спеціально не займаючись проблемою сочинительних союзів.

Традиційна класифікація сочинительних союзів на з'єднувачі, протиставляючі і розділюючі в своє час представляла велику цінність, вона має право на існування і в наші дні, однак вона потребує уточнення. Нині важко сказати, хто першим з дослідників вказав, що всі сочинительні союзи з'єднують. Вони формально з'єднують два (і більше) однорідних членів або часті складного речення. Навіть по значенню з'єднують не тільки з'єднувачі, а й протиставляючі.

Розгляд сочинительних союзів показує, що кожен сочинительний союз з'єднує. Кожен сочинительний союз розділяє. Кожен сочинительний союз диференціює відносини між рівноправними компонентами.

Як це можна собі уявити?

Важливою стороною сочинительних конструкцій справедливо називають рівноправ'я або сочинительний трикутник.

Преп'ятством для застосування поняття “сочинительний трикутник” стали складносочинені речення: в них немає вербально вираженого загального третього. Вихід з ускладнювального положення був знайдений в останнє час: однорідні члени, як і часті складносочиненого речення, рівноправні не стільки відносно загального члена, скільки перед загальною картиною [9, с. 18-19].

Слід звернути увагу на те, що рівноправними називають і одиниці, цілі і дробні, що входять в число (*восьмь; три четвертих*). Вони рівноправні відносно одиниці. Рівноправні з'єднувані предмети, з'єднувані формою множинного числа (*яблука*). Рівноправні узагальнювані лексеми предмети (*дом*). Важливо рівноправ'я не взагалі, а синтаксическе рівноправ'я – рівноправ'я в сочинительному трикутнику.

Учення о підчинительній зв'язі опинилося спроможним втручатися і в сочинительний трикутник. Було заявлено, що сочинительні конструкції закритих структур подібні підчинительним. Тільки застосування кількісного параметра дає можливість розкрити сутність сочинительної конструкції. Саме принципова відкритість сочинених рядів відрізняє сочинительні конструкції від завжди двучленних підчинительних конструкцій. Трикутник є і в порівняльних і пояснювальних конструкціях. В оточуючому світі якогось признаку, наприклад “світлий” може бути різної інтенсивності не

только в двух, но и в трех предметах. Например, три девочки по возрастанию светлости волос могут располагаться так: Оля – Соня – Катя. Однако в языке сравнительная конструкция может быть только двучленной. Можно сказать: *Соня светлее Оли*. Или: *Соня темнее Кати*. Объединить их можно не непосредственно, но только через сочинительную конструкцию: *Соня светлее Оли, но темнее Кати*.

Включение третьего элемента в сравнительную конструкцию не предусмотрено языком, поэтому представляет особую трудность для понимания. Трудность – в противоречивости, в двойном отнесении одного и того же предмета, который по отношению к другому предмету является положительным, а по отношению к третьему – отрицательным. Такие простые фразы как *Соня светлее Оли, но темнее Кати* для понимания требуют переработки, когда последовательность слов должна быть превращена в одновременно воспринимаемую симультанную схему. Аналогично если испытуемого спросить, какая из линий более длинная, он не затруднится. А если спросить, какая из линий менее короткая – затруднится [4, с. 179-180, 185].

К понятию открытости имеет прямое касательство математическое понятие множества и его элементов.

Множеством называется набор, совокупность каких-либо объектов, обладающих общим для всех их характеристическим свойством. Например, множество зданий города Москвы, множество планет Солнечной системы и т.д. [3: 306].

Элемент множества – это объект, предмет, входящий в какое-либо множество, которому присущи признаки, характерные для данного множества. Так, МХАТ имени Горького является элементом множества театров [3: 603].

Именно принципиальная открытость сочинительных конструкций *a, b, ..., n*, где представлены множества своими элементами, отличает в сочинительном треугольнике сочинение от всех других явлений. Эта же открытость позволяет увидеть у каждого из сочинительных союзов и соединительную, и разделительную, и дифференцирующую функцию.

Нельзя сказать, что лингвисты не знали, что каждый сочинительный союз соединяет; каждый сочинительный союз разделяет; каждый сочинительный союз дифференцирует отношения между равноправными компонентами. Во всяком случае, некоторые сведения об этом уже имеются.

Например, Л. В. Щерба в 1924 году писал: “Особую группу составляют частицы, *уделяющие* слова или группы слов. ... Сюда относятся *и...и, ни...ни, да...да, или...или* и т.п.”. Например: *И пращ, и стрела, и лукавый кинжал щадят победителя годы. Меня ничто не веселило – ни новые игрушки, ни сказки бабушки, ни только что родившиеся котята* [11, с. 81].

По поводу разнофункциональных членов было замечено: “Очевидно, союз *и* не только соединяет, но и разделяет, без него поэтому, как и без

других средств выражения сочинительной связи, нельзя построить данные предложения. Иными словами, разнофункциональные компоненты предложения реагируют на устранение сочинительной связи так же, как и члены предложения, занимающие в предложении однотипные синтаксические позиции” [2, с. 70].

Три существенных функции сочинительных союзов действуют в современном русском языке неотделимо друг от друга. Они были неотделимы и тогда, когда, по предположениям ученых, в человеческом сознании формировалась идея числа. Можно предполагать, что число появилось на базе сочинительной конструкции, где впервые были языковыми средствами обозначены множества. Такое предположение естественно: число – одно из продуктов человеческой мысли, а мысль осуществляется в языке. Есть и другое подтверждение выдвигаемого предположения. Дж. Гринберг пишет: “По существу мы определяем более сложные математические понятия, исходя из основных понятий, взятых из повседневной жизни и обычного языка, – например, число и сложение. Но обратное неверно: невозможно перевести на язык математики *Передайте мне воду*” [1, с. 22].

При этом большую, если не главную роль, сыграли сочинительные союзы.

Для возникновения идеи числа человечество должно было языковыми средствами оформить множество в виде сочиненного ряда и осознать это множество. Именно в этом решающую роль сыграли сочинительные союзы.

Однако вначале следовало удвоить мир, то есть расчленив мир и представить его в виде названий предметов, признаков предметов и т.д. Только так можно было научиться комбинировать “предметы”, “признаки” и так далее по своему усмотрению, в том числе – в сочинительные конструкции.

Исторически сначала следовало расчленив в сознании человека окружающий мир, чтобы потом соединять получившиеся понятия и представления при помощи языка в тех комбинациях, которые нужны человеку. Именно эта членораздельность составляет отличительную черту всех известных нам человеческих языков.

В настоящее время, когда уже во многих языках есть существительные, прилагательные, союзы и другие лексико-грамматические разряды слов, вначале происходит соединение, то есть выбор из окружающего мира нескольких предметов, которые составят множество. При этом между элементами множества осознаются разделение и отношения, которые принято называть смысловыми (противительные, сопоставительные, градационные и под.).

Конечно, прежде чем языковыми средствами назвать элементы множества в сочиненном ряду, нужно, чтобы эти элементы множества были выделены из мира и названы в языке.

У ребенка, а также вначале у человечества, как пишут исследователи, предложения однословны. Если мы не можем наблюдать ранние стадии жизни человека на земле, то становление языка у ребенка уже частично исследованы. Первоначальные синтаксические формы, употребляемые ребенком, нерасчлененны. Они соответствуют образу нерасчлененной ситуации. В этих однословных предложениях слитыми оказываются субъект и предикат. Образное восприятие ситуаций позволяет не выделять объект и субъект [10, с. 222, 225].

Первичное слово имело неустойчивое диффузное значение, которое приобретало свою определенность из симпрактического контекста. Речь некоторых народов, стоящих на низком уровне развития, трудно понять без знания ситуации, в которой речь произносится. Нельзя говорить в темноте, так как не видно жестов. Путь эмансипации слова от симпрактического контекста можно назвать переходом к языку как синсемантической системе, то есть системе знаков, связанных друг с другом по значению и которые можно понимать даже не зная ситуации. Развитие ребенка не повторяет развития рода, однако формирование языка ребенка тоже в некоторой степени является эмансипацией от симпрактического контекста [4, с. 32-34].

Первое слово ребенка (в отличие от сигнала животного) не выражает его состояния, а обращено к предмету и обозначает предмет. Сначала оно носит симпрактический характер. Например, ребенок играет лошадкой и говорит *тпру*. Это *тпру* может обозначать и “лошадь”, и “сани”, и “садись”, и “поедем”, и “остановись” в зависимости от ситуации, интонации и жестов. Поэтому хотя первое слово и направлено на предмет, оно неразрывно с действием, то есть у ребенка (в полтора года) слово носит симпрактический характер. Вскоре ребенок усваивает элементарную морфологию, тогда вместо *тпру* появляется *тпрунька*. Слово *тпрунька* не обозначает “садись” и т.п., а обозначает “лошадь”, “сани”, “тележка”. Значение слова сужается, а словарь увеличивается. Слово приобретает референтную соотнесенность. Существительное обозначает предмет, глагол – действие и т.д. Мир удваивается.

После того, как слово приобрело четкую предметную отнесенность, его развитие не останавливается. Слово начинает приобретать обобщающую и анализирующую функцию. Значение слова приобретает парадигматический характер.

С помощью слов человек может иметь дело с вещами, которые раньше не воспринимал. У человека двойной мир: мир предметов и мир образов. Человек может вызывать слово независимо от реального наличия вещи и таким образом может произвольно управлять этим миром [4, с. 32-37, 61, 63].

Так из целой ситуации, окружающей человека, выделились предметы и действия, позже стали выделяться признаки предметов и действий и их отношения, потом появились предложения современного типа (4, с. 24-25).

Показательно не только то, как и что ребенок говорит, но и то, как он понимает речь взрослых. Нас интересует понимание им множества.

Если ребенку в 3-5 лет дать два изолированных слова *стол, стул* и спросить, сколько слов, то он ответит правильно. Но если спросить, сколько слов в предложении *Собака бежит*, то он ответит: “Одно слово”. Слова, называющие предметы, осознаются им раньше слов, называющих действия и качества. Если спросить, сколько слов во фразе *В комнате 12 стульев*, то он ответит: “двенадцать”. В предложении: *Коля съел все пирожные* ребенок не нашел ни одного слова: ведь Коля съел все. В предложении *Папа и мама пошли в лес* ребенок находит два слова: *папа и мама*; иногда добавляет: *и лес* [4, с. 88-89].

Сочинительные конструкции могли возникнуть только тогда, когда из первоначального предложения-слова уже выделились не только прилагательные и другие знаменательные части речи, но и сочинительные союзы уже именно как союзы, а не местоимения.

Заслуживает внимания интересное наблюдение исследователей: сочинение (паратаксис) наиболее простой вид связи [4, с. 166]. Его ранее появление в речи, видимо, связано с тем, что и конструкции типа современного *Иванов – студент* являются также парадигматическими структурами: Иванов входит в категорию “студент”. В древних языках наблюдается тенденция заменять трудную для понимания “гипотактическую” конструкцию “паратактической”, выражаемой союзом. Например, в Библии вместо *кротость царя Давида* читаем: *Увидел царя Давида и всю кротость его* [4, с. 170-171, 173; 8, с. 328].

И у ребенка наблюдается нечто аналогичное. В организации высказывания лежит плавный переход от парадигматики к синтагматике. Ребенок еще не умеет его осуществлять. На первых порах он обладает лишь отдельными словами, и, рассказывая, например, о картине “Опять двойка”, он говорит *собака, мальчик*, и разыгрывает ситуацию картинки. Только потом у него будут слова, организованные не парадигматически, а синтагматически [4, с. 151-152].

Только после этого могли появиться ряды равноправных компонентов типа тех, которые есть во многих языках мира. Тогда и могли на базе сочиненных рядов появиться числительные. Чтобы появилось в сознании человека число, нужно было сначала осознанно комбинировать при помощи сочинительных союзов друг с другом предметы (или действия, или признаки и т.д.).

Уже С. А. Яновская писала: “Для того, чтобы могло возникнуть понятие числа, необходимо наличие реальных вещей и их совокупностей (множеств) и действительное (практическое) отношение человека к ним, состоящее в умении комбинировать вещи и множества, различать внутри множества как целого отдельные элементы и приводить эти множества в соответствие друг с другом” [12, с. 185].

Для лингвиста особенно важны в этой мысли такие положения: а) умение человека сознательно комбинировать вещи во множества, б) различать внутри множества отдельные элементы в) приводить их в соответствие друг с другом. Это человек делает при помощи союзов, то есть каждый сочинительный союз соединяет; каждый сочинительный союз разделяет; каждый сочинительный союз дифференцирует отношения между равноправными компонентами.

Вначале необходимо было “выделение единичного объекта как качественно определенного и отграниченного благодаря этому от других объектов” [6, с. 215].

Это можно было сделать только в сочиненном ряде, и нельзя было сделать в форме множественного числа или в числительном. В числительном (*два, три, восемь*) происходит вообще отвлечение от предмета. В форме множественного числа существительного (*березы*) не выделены конкретные экземпляры как качественно определенные и тем самым отграниченные друг от друга. В сочиненном же ряде указываются отличительные признаки предметов (*моя и твоя березы; высокая и низкая березы*). Качественно определенными могут выступать и предметы одного рода, но разных видов: *На огороде растут овощи: морковь, капуста и репа.*

Правда, в некоторых языках сами названия чисел имеют в своем составе форманты, возводимые к названиям предметов счета. Собственно количественные числительные восходят к словам с конкретным предметным или иным значением [5, с. 32, 33]. Например, число “5” называется словом, не утратившим значение “пять пальцев руки”; “2” – “две ноги” и т. п.

Есть мнение, что первобытное мышление представляет себе совокупности существ или предметов, известных человеку одновременно и по своей природе, и по своему числу, причем это последнее ощущается и воспринимается, но не мыслится отвлеченно. Благодаря привычке каждая совокупность предметов, которая интересует человека, сохраняется в его памяти с той точностью, которая позволяет ему безошибочно распознавать след того или иного животного, того или иного лица. Стоит появиться в данной совокупности какому-нибудь недочету, как он тотчас будет человеком обнаружен. В этом столь верно сохраненном в памяти представлении число предметов или существ еще не дифференцировано. Тем не менее, качественно оно воспринимается, или, если угодно, ощущается. Когда первобытные люди собираются на охоту, они, сидя уже в седле, осматриваются вокруг, и если не хватает хотя бы одной из многочисленных собак, которых они содержат, то они принимаются звать ее [5, с. 30].

Дискретность, разделенность действительности на отдельные так или иначе отграниченные друг от друга объекты фиксируется уже на этапе ее чувственного познания [6, с. 216].

Следующим этапом, надо полагать, было появление и использование сочинительных союзов. Они выделяли элементы множества, разделяя какое-то целое. Иначе говоря, союзы одновременно и соединяли, и разделяли.

Этого было достаточно для формирования множественного числа существительных и числительных. Но сочинительная конструкция сохранила качественную определенность каждого из равноправных компонентов и смысловые отношения между ними: разделены ли они во времени и пространстве (*то...то*), известно ли их сосуществование (*то ли...то ли*) и под.

Так произошло возникновение в языке числительных, употребляющихся при абстрактном счете; произошел переход от различных типов собирательной множественности к абстрактной дистрибутивной множественности в пределах грамматической категории числа [6, с. 208].

В результате описанных процессов в современном русском языке до возникновения конкретной сочинительной конструкции в сознании говорящего должно быть множество и его элементы. К. Я. Сигал прав, когда утверждает, что “лишь *соединив* некие предметы (в широком понимании), а затем сравнив их и обнаружив у них общие и особенные признаки, данные предметы можно *разделять, сопоставлять, противопоставлять* и т.п. Соединение – это базовый акт формирования сочинительного знака, отражающего различные синтаксические категоризации того или иного предметного множества” [7, с. 219].

Итак, чтобы появился ряд равноправных компонентов, нужно 1) наличие целого, например, это общая картина поздней осени; 2) расчленение целого на части, например: холодно, идет дождь, на деревьях почти нет листьев; 3) между частями целого обязательно должно быть различие, например, дождь – это в окружающем мире и в нашем мышлении не то же, что холодно.

Эти три взаимосвязанные условия были в истории появления сочинения, они действуют и в наши дни. Без сочинительных союзов (и/или) замещающей их интонации сочинительных конструкций не существует. Сочинительные союзы, во-первых, соединяют элементы в одно множество и ставят их в один сочиненный ряд. Это их соединительная функция. Во-вторых, сочинительные союзы не сливают элементы множества в одно нерасчлененное целое, а разъединяют. Даже тождественные однородные члены благодаря союзам различаются в пространстве (*Кругом книги, книги и книги*) и во времени (*А снег все шел и шел*). Это разделительная функция сочинительных союзов. Наконец, сочинительные союзы могут обращать внимание слушателя на то, что между элементами множества, которые названы равноправными компонентами, есть разделительные или противительные отношения. Это дифференцирующая функция сочинительных союзов.

Термин *соединяет* очень широкий и многозначный. У него есть несколько значений. 1) Всякий союз формально связывает отрезки текста. 2) Соединительные союзы связывают равноправные компоненты по смыслу, например: *Пуля полетела вверх и направо*. 3) Всякий сочинительный союз соединяет в мыслях то, что в реальности соединено или не соединено. Говорящий прежде соединил в своем сознании несколько элементов

множества, а потом отметил между ними соединительные, разделительные или противительные отношения. В первом случае имеется в виду формальный аспект, во втором – семантический, в третьем – логический.

В перспективе следует рассматривать три функции каждого сочинительного союза.

Л и т е р а т у р а :

1. Гринберг Дж. Антропологическая лингвистика. – М., 2004. – 224 с.
2. Гудиева Р. К. Из наблюдений над разнофункциональными компонентами предложения, связанными отношениями сочинения // Вопросы синтаксиса современного русского литературного языка. – Ростов-на Дону, 1973. – С. 68-79.
3. Кондаков Н. И. Логический словарь [Текст] / Н. И. Кондаков. – М. : Изд-во Наука, 1971. – 656 с.
4. Лурия А. Р. Язык и сознание. – М. : Изд-во Моск. ун-та, 1979.
5. Панфилов В. З. Взаимоотношение языка и мышления. – М. : Изд-во Наука, 1971. – 232 с.
6. Панфилов В. З. Философские проблемы языкознания. – М. : Изд-во Наука, 1977. – 288 с.
7. Сигал К. Я. Сочинительные конструкции в тексте. – М. : Изд-во РАН. – 404 с.
8. Теньер Л. Основы структурного синтаксиса / перевод с французского И. М. Богусловского и др. – М. : Изд-во Прогресс, 1988. – 656 с.
9. Троицкий Е. Ф. Компоненты сочинительной конструкции и их отношения. – Смоленск : Изд-во СГПИ, 1987. – 80 с.
10. Шахнарович А. М. Психолингвистические проблемы овладения общением в онтогенезе / Ю. А. Сорокин, Е. Ф. Тарасов, А. М. Шахнарович // Теоретические и прикладные проблемы речевого общения. – М. : Изд-во Наука, 1979. – С. 148-233.
11. Щерба Л. В. О частях речи в русском языке / Л. В. Щерба. // Избранные работы по русскому языку. – М. : Изд-во Аспект-Пресс, 2007. – С. 63-84.
12. Яновская С. А. О так называемых “определениях через абстракцию” // Сборник статей по философии математики. – М., 1936.

Варнаєва А. Є. Три істотних функції сурядного сполучника.

Рівноправність у сурядній конструкції – це принципово відкриті ряди та відношення елементів множини до множини. Сурядні сполучники зіграли велику роль у становленні сурядності. При цьому кожен з них одночасно виконував (і виконує) три суттєві функції: сполучну, розділову та диференціюючу.

Ключові слова: *сурядність, рівноправність, множина, елемент множини, сурядний сполучник, сполучна, розділова та диференціююча функції.*

Varnaeva A. E. Three essential functions of the coordinating union.

Equality in the coordinating design – this is a fundamentally open series and the attitude of the elements of the set. Coordinating unions played major role in the formation of a composition, each of them simultaneously performed (and executes) three essential functions: coordinating, separating and discrediting functions.

Keywords: *writing, equality, set, element of the set, the coordinating union, the coordinating, the separating and discrediting functions.*